

DOI: 10.15372/HSS20190108
УДК 930(470)"1850/1899"

Н.П. МАТХАНОВА, Н.Н. РОДИГИНА

**ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ ОТЧЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СИБИРСКИХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ О РЕГИОНЕ**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН,
РФ, 626152, Тобольск, ул. им. Акад. Ю. Осипова, 15

В статье выявлены особенности всеподданнейших отчетов сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX в. и определен их информационный потенциал как источника для изучения образа региона. Всеподданнейшие отчеты рассматриваются как коллективный текст-источник, в составлении которого наряду с генерал-губернаторами принимали участие и другие представители местной власти. Охарактеризованы факторы, предопределявшие представления глав генерал-губернаторств о регионе, показана специфика их отражения в отчетах. Проанализирована структура отчетов, выяснены их адресаты, раскрыты термины, обозначающие Сибирь. Показано, как отношение генерал-губернаторов к региону и их взгляды на его место в составе Российской империи влияли на используемую ими терминологию.

Ключевые слова: история Сибири, источниковедение, отчеты генерал-губернаторов, образ региона, сибирская администрация.

N.P. MATKHANOVA, N. N. RODIGINA

**LOYAL REPORTS AS A SOURCE TO STUDY SIBERIAN GENERAL-GOVERNORS' VIEWS
ON THE REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation
Tobolsk complex scientific station UB RAS,
15, Acad. Yu. Osipova Str.,
Tobolsk, 626152, Russian Federation

The Siberian Governors-Generals' reports are repeatedly used by historians to study the regional administrative management, its socio-economic and cultural development, but so far they have not been the subject of special research in terms of identifying top authorities' views on the region.

The authors consider the Governor-Generals' reports as a collective source text, whose parts were compiled by different persons, specialists in various fields, but signing it the Governor-General took responsibility for its content however difficult the process of the document's preparing might be.

Representations of Siberia in the Governor-General's reports were formed and evolved under the influence of a number of factors: first, their own direct impressions, changed and supplemented over time; second, reading the reports of predecessors and subordinates, as well as fiction, scientific, journalistic literature; third, familiarity with the complaints and petitions of individuals and groups. The understanding of the central authorities' goals and policy influenced the way of presenting the data included in the report, as well as content of certain provisions; the Governor-General's attention to certain aspects of his activities depended on tasks before him.

The reports' analysis shows that these documents do not always show the views of a particular Governor-General. Sometimes it is a list of materials, more or less reliable, received from subordinates of different levels. Often, several fragments were reproduced from one report to another, even when the Governor was replaced by his successor. In some cases, the Governors-General were the reports' authors themselves. However, the

Наталья Петровна Матханова – д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik_history@mail.ru.

Наталья Николаевна Родигина – д-р ист. наук, проф., ведущий научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, e-mail: natrodigina@list.ru.

Natalya P. Matkhanova – Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Institute of History SB RAS.

Nataliya N. Rodigina – Doctor of Historical Sciences, professor, chief researcher, Tobolsk complex scientific station UB RAS.

report was a product of collective efforts most often. It was a common practice to repeat texts close to the governors' reports. The Governor-General himself could not be completely sincere, he could, and sometimes did (consciously or unconsciously), try to influence the Monarch and/or Ministers, and other Supreme power and Central administration figures, highlighting certain characteristics, forming the image that should have been formed in the reports' addressees.

Key words: Siberian history, source study, Governor's report, regional image, Siberian administration.

Отчеты глав местной администрации, ежегодно подававшиеся на имя императора, – один из самых известных и востребованных исторических источников. Они используются для изучения экономического, социально-политического, культурного развития региона, анализа политики центра и управленческой деятельности. Мы поставили перед собой задачу – выявить информационные возможности этого источника для изучения представлений о Сибири тех людей, от которых в значительной степени зависело управление регионом, внутренняя политика по отношению к нему и его статус в составе Российской империи.

Несмотря на то, что представления о регионе высшего чиновничества, в том числе генерал-губернаторов, затрагивались в работах А.В. Ремнева, Н.П. Матхановой, Л.М. и И.Л. Дамешек (см., напр.: [1; 2]), специфика их репрезентации в отчетах генерал-губернаторов, насколько нам известно, еще не была предметом специального изучения. Тема появилась на стыке научных интересов двух соавторов: для одной – это история управления и чиновничества, для другой – представления населения Российской империи второй половины XIX в. о Сибири.

Сразу уточним, что, во-первых, избранная тема настолько многоаспектна, что всеохватное ее освещение в одной статье совершенно немыслимо. Мы только приступили к ее разработке, и предлагаемая статья носит преимущественно постановочный характер.

Во-вторых, мы не пытаемся проверить и сопоставить содержащиеся в отчетах представления генерал-губернаторов с реальным положением дел, как его понимает современное историческое знание.

Мы ограничиваем территориальные рамки административными границами Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского генерал-губернаторств (по-скольку в Приамурское генерал-губернаторство входила Забайкальская область, частично использованы отчеты глав этого региона); хронологические рамки охватывают период с начала 1850-х гг. до 1882 г. применительно к Западной Сибири и до 1887 г. – применительно к Восточной Сибири. *Нижняя хронологическая грань* объясняется образованием в 1852 г. II Сибирского комитета, обсуждением статуса региона в этом и других правительственных учреждениях под влиянием изменений в экономической жизни края, роста населения, увеличения масштабов ссылки, активизации внешней политики России на Дальнем Востоке и в Средней Азии, результатов ревизии Западной Сибири и т.д. *Верхние хронологические границы* связаны с упразднением Западно-Сибирского генерал-губернаторства и переименованием Восточно-Сибирского в Иркутское. Однако в отдельных случаях мы привле-

кали отчеты иркутских губернаторов и более позднего времени.

Генерал-губернаторы занимали особое место в системе управления Российской империи. О правах и обязанностях генерал-губернаторов и их месте в системе управления Российской империей написано немало, в том числе и одним из авторов настоящей статьи. История возникновения и эволюции этого института, биографии и взгляды лиц, занимавших должности высших глав местной администрации, их роль в развитии региона в целом и отдельных сфер его жизни – все это стало темой многочисленных книг, статей, диссертаций. В нескольких работах дана обобщенная социокультурная характеристика генерал-губернаторского корпуса России и Сибири [3; 4]. Институциональной и персональной истории изучения генерал-губернаторов также посвящено немало работ [5].

Структура управления окраинами, включавшая указанные должности, была весьма сложной и запутанной. Генерал-губернаторы обладали серьезными властными полномочиями, возглавляли и гражданскую, и военную администрацию, отвечали за все стороны жизни региона и считались главными местными начальниками. Формально подчиняясь только императору, фактически они во многом зависели от министров. Генерал-губернаторам, в свою очередь, подчинялись губернаторы, которые в то же время подчинялись министру внутренних дел (а военные губернаторы – и военному министру). И генерал-губернаторы, и губернаторы назначались монархом и были подотчетны ему.

Столь же сложной была и структура отчетной документации. Всеподданнейшие отчеты по управлению губерниями и областями подавались и государю, и министру, и генерал-губернатору. Как неоднократно заявляли историки, генерал-губернаторские и губернаторские отчеты являлись важным каналом информации, средством прямой связи глав регионов с центром и самим монархом (см. напр.: [6; 7; 8]). В отличие от публицистов, путешественников и политических ссыльных, высокопоставленные администраторы обладали более подробными и точными сведениями.

Как представители Центра в регионах, они являлись в то же время выразителями местных интересов (Д. Г. Анучин так и писал: «Предстательствовать о нуждах Сибири я считаю первым своим долгом»)¹. Генерал-губернаторы и региональная коронная администрация вообще были важными скрепами империи.

¹ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. I, вып. 1. С. 54–149. С. 140.

Отчеты губернаторов изучались давно и в разных аспектах. В одной из последних посвященных им статей А.Н. Бикташева анализирует значение этих источников как средства получения знаний об одной из единиц «сложно организованного административного пространства» империи, подчеркивает их многосложность, изменение структуры, мотивы изменения шаблонов и инструкций [9, с. 149–150]. Обстоятельный анализ истории исследования и использования губернаторских отчетов представлен в статье А. С. Минакова [10]. Ряд ее положений может быть отнесен и к отчетам генерал-губернаторов, хотя в статье о них не упомянуто. Прежде всего, это тезис о сохранении дискуссионного характера проблемы классификационной «принадлежности этих документов» [10, с. 11–13]. Мы согласны с мнением А.С. Минакова, поддержавшего тезис И.Д. Ковальченко «о скрытом информационном потенциале» данных источников, и тоже видим, что содержание этих документов гораздо шире заявленного в формуляре [10, с. 13]. Но следует иметь в виду, что, в отличие от губернаторов, генерал-губернаторы не были связаны жестким формуляром, хотя их отчеты имели довольно постоянную структуру.

Е.Л. Пономаревой подробно охарактеризованы типичная структура, объем, процедура подготовки отчетов генерал-губернаторов Восточной Сибири [11]. Анализ подготовительных материалов позволил ей обосновать тезис о том, что отчет являлся плодом «труда коллектива авторов, которые писали порученные им части отчета, опираясь на общую задачу», поставленную начальником, и что в процессе написания сам генерал-губернатор вносил серьезную правку, являясь таким образом «если не автором, то редактором источника». Менее точного представляется несколько иное утверждение этого же автора: «Генерал-губернатор играл основополагающую роль в создании документа, определяя методику построения текста, структуру документа, его основные темы» [11, с. 113].

Вероятно, не ко всем генерал-губернаторам относится сделанное Е.Л. Пономаревой наблюдение об их работе над отчетами. По изученным ею материалам видно, что главы администрации ставили общую задачу, редактировали подготовленные подчиненными предварительные варианты, «вписывали отрывки в уже готовый текст», «зачеркивали целые абзацы» и т. п. [11, с. 114]. Соглашаясь с выводом Е.Л. Пономаревой о том, что части документа составлялись разными людьми – специалистами в той или иной области [11, с. 113], мы все же должны отметить, что в ряде случаев наблюдаются прямые заимствования из отчетов предшественников и подчиненных губернаторов. Каким бы ни был процесс подготовки документа, подписывая его, генерал-губернатор брал на себя ответственность за его содержание.

В любом случае мы имеем дело не с самими представлениями генерал-губернаторов, а с тем, как они презентовались в отчетах. Они формировались и эволюционировали под влиянием разных факторов. Во-первых, это собственные непосредственные впечат-

ления, со временем изменявшиеся и дополнявшиеся. Во-вторых, чтение отчетов предшественников и подчиненных, а также литературы – художественной, научной, публицистической. В-третьих, знакомство с жалобами и прошениями отдельных лиц и групп населения. На презентацию включавшихся в отчет и наполнение тех или иных положений влияли также понимание генерал-губернатором целей и содержания политики центральных властей, его внимание к отдельным аспектам своей деятельности, которое зависело и от стоявших перед ним задач.

Нами рассмотрены ежегодные всеподданнейшие отчеты и некоторые докладные записки и обозрения (наряду с подлинными или первыми экземплярами используются их копии – для наших целей это практически безразлично) сибирских генерал-губернаторов. Нас интересовали генерал-губернаторы Восточной Сибири – Н.Н. Муравьев (1847–1861), М.С. Корсаков (1861–1871), Н.П. Синельников (1871–1873), П.А. Фредерикс (1873–1879), Д.Г. Анучин (1879–1885), А.П. Игнатъев (1885–1887), а также генерал-губернаторы Западной Сибири – Г.Х. Гасфорд (1850–1861), А.О. Дюгамель (1861–1866), А.П. Хрущов (1866–1875), Н.Г. Казнаков (1875–1881), Г.В. Мещеринов (1881–1882). В фамильном фонде Казнаковых сохранились два доклада Н.Г. Казнакова. Они близки по характеру к отчетам, но несколько отличаются от них: другая структура и несколько иное содержание, в них встречаются моменты, которые обязательны для отчетов, и именуются сюжеты, отсутствующие в отчетах. Первый из них составлен «по сведениям, почерпнутым из министерств» до отъезда в Сибирь², второй – за 1875–1880 гг., охватывает пять лет, проведенных в должности³.

Отчеты генерал-губернаторов Западной Сибири включали следующие пункты: пространство и народонаселение; вероисповедание и состояние православия; ссыльные; промышленность и торговля; государственные доходы и расходы; управление государственными имуществами; земские повинности, почтовые дороги, мосты и переправы; состояние городов, публичные здания, этапы и тюрьмы; администрация и делопроизводство; народное здравие и общественное призрение; народное просвещение⁴. Структура отчетов генерал-губернаторов Восточной Сибири была более изменчива, но и они, как правило, включали следующие позиции: общее состояние края; население; сельское хозяйство; торговля; фабрики и заводы; частная золотопромышленность; Нерчинские горные заводы; железодельные заводы; винокурение; солеварение; устройство ссыльных; пути сообщения и почтовая часть; народное просвещение; преобразования в администрации; войска Восточной Сибири; Амурский край⁵. Встречались варианты, например, отчет

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 948. Оп. 1. Д. 63.

³ Там же. Д. 65.

⁴ Там же. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 203; Оп. 12. Д. 146; Оп. 6, 1864 г. Д. 133 и др.

⁵ Там же. Оп. 11. Д. 161.

за 1863 г. включал несколько иные пункты: движение народонаселения; сельское хозяйство; фабричные заведения; казенные заводы; действие Нерчинских заводов и золотых промыслов; торговля; пути сообщения; межевание земель; народное просвещение; преобразования в администрации и судебной части; войска; Амурский край⁶.

Структура этих источников определялась и законом («Общей инструкцией генерал-губернаторам») ⁷, и запросами Центра, в том числе проектом создававшейся в связи с открытием II Сибирского комитета «сибирской программы», и собственными соображениями того или иного главы администрации. Не менее, если не более, важна и основная официальная задача – прежде всего составление отчета об управлении регионом. Правда, в некоторых случаях имеется другое официальное наименование – «отчет о состоянии» управляемого края.

Отличаются разные отчеты и по объему. Если учитывать только текстовую часть, без приложений и сопутствующих документов, а для Восточной Сибири – и без раздела об Амурском крае, то разброс даже у одного генерал-губернатора может быть от 30 листов (близких по формату к современному А 4) с оборотами (отчет М.С. Корсакова за 1860 г.) до 69 (его же отчет за 1863 г.)⁸; от 50 (отчет А.О. Дюгамеля за 1860 г.) до 110 (его же за 1863 г.)⁹. О качестве отчетов есть свидетельства разного происхождения и объективности. Так, Д. Г. Анучин утверждал, что в отчетах его предшественника материалы плохо сгруппированы и не проверены¹⁰.

Вопрос об адресате отчетов не так очевиден, как может показаться на первый взгляд. Естественно, главным адресатом был император. И его образ в сознании авторов в существенной степени влиял на содержание отчетов. К примеру, в отчетах Н.Н. Муравьева периода правления Николая I встречаются такие показательные реплики: «...постоянное стремление генерал-губернатора Восточной Сибири к точному исполнению Вашего Императорского Величества строгих указаний увенчается, конечно, большими успехами, и прежнее корыстное направление торгового и чиновничьего сословия во вред казне должно быстро исчезнуть, когда во всех отдаленных и более важных частях этого обширного края управляют известные и выбранные высшим правительством лица, облеченные учреждениями в такие права, с которыми они могут пресекать зло на месте, где оно ранее безнаказанно господствовало» (1851 г.)¹¹; «в последнее время осчастливленный столь лестным Высочайшим вниманием край нуждается

еще во многих преобразованиях, о которых проекты частью уже кончены и предоставлены на усмотрение высочайшего начальства» (1852 г.)¹². В период правления Александра II сентенции такого рода из отчетов Муравьева исчезают.

О том, что отчеты внимательно прочитывались первым лицом империи, убедительно свидетельствуют его пометы. Так, управляющий делами II Сибирского комитета В.П. Бутков сообщал Г.Х. Гасфорду о реакции на его отчет за 1856 г. Александра II, сделавшего надпись: «Читал с удовольствием»¹³. Александр III написал на отчете Д.Г. Анучина за 1880 и 1881 гг.: «Грустная, но не новая картина»¹⁴; «Прочел с большим интересом и более чем смущен этим грустным, но правдивым описанием правительственного забвения столь богатого и нужного для России края. Непростительно и даже преступно оставлять подобное положение дел в Сибири»¹⁵. Именно на полях отчета А.П. Игнатьева за 1885–1886 гг. написаны знаменитые, много раз цитировавшиеся слова императора: «Уж сколько отчетов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края! А пора, очень пора!»¹⁶.

Наряду с императором адресатами отчетов были и другие представители высшей бюрократии империи, а именно главы министерств и ведомств, от которых зависело принятие тех или иных решений, касавшихся региона. Это подтверждает многочисленная делопроизводственная переписка, сопровождавшая такие отчеты. В архивных делах они отложились под названием «По всеподданнейшему отчету...». Известно, что каждое предложение, содержащееся в отчете, рассматривалось руководством заинтересованных административных структур и порой решалось положительно. Иногда генерал-губернаторы напоминали о необходимости рассмотрения тех или иных мер, предложенных в их отчетах. Так, Н.Н. Муравьев обосновал в отчете за 1852 г. пять проектов, касавшихся «преобразования тех частей администрации края, которые требуют существенных и поспешных преобразований по крайней неудовлетворительности состояния этих частей, по несоответствию их настоящим потребностям страны»¹⁷. В отчете за следующий год он сетовал, что из всех проектов утверждение получило лишь «Положение о ламайском духовенстве», остальные же необходимые преобразования по-прежнему ждут своего разрешения¹⁸.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 6. Л. 153.

¹³ Там же. Оп. 6. Д. 337. Л. 7.

¹⁴ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. С. 54–149. С. 106.

¹⁵ Там же. С. 122.

¹⁶ Всеподданнейший отчет и. д. генерал-губернатора Восточной Сибири за 1885–1886 гг. СПб., 1886. РГИА. НСБ. № 87680. С. 50.

¹⁷ РГИА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 6. Л. 1 об.

¹⁸ Там же. Д. 130. Л. 5.

⁶ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864. Д. 119.

⁷ ПСЗ РИ-2. Т. 28. СПб., 1854. С. 260–264. Ст. 27293, 29 мая 1853 г.

⁸ РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202; Оп. 6, 1864 г. Д. 119.

⁹ Там же. Оп. 13. Д. 7 А; Оп. 6, 1864 г. Д. 133.

¹⁰ Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Иркутск, 1884. Т. I, вып. 1. С. 8.

¹¹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 154. Л. 86 об. – 87.

В воспоминаниях чиновника муравьевской администрации Б.В. Струве, подробно охарактеризовавшего борьбу своего начальника за реализацию проектов, встречаются упоминания о тревожном ожидании местными чиновниками реакции на отчеты и рапорты генерал-губернатора: «Какие успехи имели происки, враждебно направленные в Петербурге против Муравьева? ... Как царь посмотрел на все новые предложения, которые генерал-губернатор поверг на его усмотрение по возвращении из окраин? Эти вопросы в тиши занимали каждого из нас, служебная участь которых была неразрывно связана с положением Муравьева» [12, с. 88].

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РЕГИОНЕ В ОТЧЕТАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ

Предпринятый нами анализ отчетов свидетельствует о том, что в них мы далеко не всегда имеем дело с представлениями, существовавшими у конкретного генерал-губернатора. Иногда это просто перечень сведений, более или менее достоверных, полученных от подчиненных разного уровня. Нередко отдельные фрагменты воспроизводились из одного отчета в другом, даже при смене глав региона. Иногда это обстоятельство могло свидетельствовать о значимости затрагивавшейся проблемы для региона.

В отдельных случаях генерал-губернаторы являлись непосредственными авторами отчетов. Так, Б.В. Струве упоминал о том, что Муравьев «все писал своей рукою, требуя только к себе дела» [12, с. 91]. Однако чаще всего отчет был продуктом коллективных усилий. Обычным было повторение, более или менее близкое к тексту, отчетов губернаторов. Сам генерал-губернатор мог быть не вполне искренним, он мог – а порой так и делал, сознательно или неосознанно, – пытаться влиять на монарха и/или министров и других деятелей высшей власти и центрального управления, выделяя те или иные характеристики, формируя тот образ, который должен был сложиться у адресатов отчета. Можно предположить, что процитированная известная резолюция Александра III появилась не случайно – к такой реакции императора «подвели» составители отчета.

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СИБИРЬ В ОТЧЕТАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ

Выявим географические термины и номинации, которые использовали генерал-губернаторы для описания региона, так как они в значительной мере детерминируют ядро представлений (в терминологии Ю.М. Лотмана «центр», в отличие от «периферии») о Сибири, свидетельствуют о понимании статуса региона в составе Российской империи. В самом названии делопроизводственных документов, принятых по отчетам генерал-губернаторов, фигурировал термин «край». К примеру: «По всеподданнейшему отчету генерал-губернатора Восточной Сибири о состоянии

сего края за 1856 г.»¹⁹. И именно он часто употреблялся в отчетах генерал-губернаторов (Н.Н. Муравьева, Г.Х. Гасфорда, М.С. Корсакова, А.О. Дюгамеля, Н.Г. Казнакова, Д.Г. Анучина), иногда с использованием прилагательных «отдаленный» и «обширный». При этом в отчетах Корсакова, Дюгамеля, Казнакова употребляются номинации и «край», и «страна». Например, Казнаков в докладе-обозрении за 1875–1880 гг. писал, что за это время ему «пришлось убедиться, что нужды Западной Сибири, как всякой страны, едва выходящей на путь умственного и материального развития, сравнительно велики»²⁰. Можно предположить, что употребление термина «страна» – смысловой артефакт, отголосок прежней, исторически сложившейся «замкнутости, в которой находилась Сибирь по своей отдаленности и по отсутствию общих с империей интересов»²¹. Однако автор уточнял, что статус региона существенно изменился за последние десятилетия: под влиянием развития путей сообщения, увеличения населения Сибири, «усмирения кочевников», развития золотопромышленности, проведения телеграфной сети происходило его сближение с Европейской Россией. По мере усиления такого сближения, утверждал Казнаков, следует «вводить тождественные с империей установления», особенно относительно путей сообщения, народного образования, суда и т. п. Таким образом край «подготавливался бы к окончательному объединению с Европейской Россией»²².

Можно предположить, что употребление номинаций «край» и «страна» зависело от контекста: там, где речь шла о современных проблемах региона, использовался термин «страна», который подразумевал, что эти проблемы имеют исторические корни, когда же речь шла о необходимости административных преобразований, уравнивающих статус Сибири с другими регионами, а также о перспективах ее развития, употреблялось понятие «край». Заметим, что такое двойственное представление о терминах, в которых можно описывать Сибирь как часть территории империи, доминировало, судя по периодике, в общественном мнении 1850–1870-х гг. Сибирь воспринималась как далекая, суровая, экзотическая страна с неопределенным статусом то ли колонии, то ли окраины, в большей степени «чужая», чем «своя», территория, имевшая больше отличий, чем общих характеристик с центром/метрополией. Однако термин «страна» применительно к Сибири употреблялся и позже, несмотря на постройку железной дороги, нарастание аграрных переселений, активное культурное «освоение» региона и его административное, экономическое «встраивание» в империю, что свидетельствует об инерционности представлений о регионе.

Порой главы администрации, как и областники, и политические ссыльные, подчеркивали раз-

¹⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 320.

²⁰ Там же. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65. Л. 3 об.–4.

²¹ Там же. Л. 2–2 об.

²² Там же.

ность Европейской России и Сибири²³. В отчетах употреблялись словосочетания «сибирские губернии» и «внутренние губернии», нередко встречается противопоставление Сибири и Европейской России как частей империи с разными условиями жизни, а иногда – как в отчете Дюгамеля за 1865 г. – даже Сибири и России²⁴.

Отметим, что в отчетах нам не встретился термин «колония», использовавшийся в процессе обсуждения статуса Сибири во II Сибирском комитете и периодически всплывавший в отношении региона до начала XX в. включительно, а также активно употреблявшийся в периодической печати и справочных изданиях. Это подтверждает наблюдения А.В. Ремнева о том, что в российском имперском дискурсе термины «метрополия» и «колония» практически не получили официального употребления, а удаленные от центра территории предпочитали называть: «край», «окраина», «область» [13, с. 151]. Мы согласны с мнением В. Сандерланда о том, что многие официальные лица отрицали наличие у России колоний «в общепринятом смысле этого слова» и относились к понятию «колония» с недоверием, усматривая в нем намек на сепаратизм. Так, великий князь Константин утверждал, что «Сибирь, по сути не колония, а просто продолжение территории государства» [13, с. 126]. Министр внутренних дел Д.А. Толстой заявлял в 1882 г.: «У нас нет колоний!» [1, с. 309].

В 1890-х гг. в обиход входит новая терминология. Так, иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин вообще не желал употреблять топоним «Сибирь» (кстати, в одном его отчете все же обнаружены слова «сибирские губернии»²⁵) и заменял его словосочетанием «Азиатская Россия», включая в ее состав Сибирь. При этом и сквозь его отчеты красной нитью проходит констатация таких характерных черт, как редкость населения, недостаточность средств, отсутствие необходимого числа подготовленных и образованных людей, бедность чиновников. Служивший при нем А.А. Корнилов, достаточно высоко оценивая деятельность своего начальника на посту генерал-губернатора, тем не менее вспоминал: «В нем было два недостатка: он был груб и не любил Сибири, то есть не считал ее не только отдельной самостоятельной провинцией, но даже и областью, требующей особого управления» [14, с. 91]. Однако, как свидетельствует работа В. Сандерланда, использование данного термина станет одним из официальных трендов в официальном имперском дискурсе в начале XX в. [15, с. 131–137], и Горемыкин был одним из пионеров в его употреблении.

Представления о географии и природе региона, экономическом, административном и культурном развитии, составе населения и отдельных аспектах его

хозяйственной деятельности, вероисповедании, социальном поведении и специфике менталитета складывались в интегральный многокомпонентный образ региона. Мы намерены представить его структурную и содержательную характеристику в последующих статьях на поставленную тему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.
2. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: «Репроцентр А 1», 2009. 389 с.
3. Злобин Ю.П. Социокультурная характеристика генерал-губернаторского корпуса России в XIX – начале XX в. // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2013. № 7 (156). С. 37–44.
4. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Генерал-губернаторский корпус Сибири: социальный портрет // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2014. № 5 (31). С. 4–10.
5. Злобин Ю.П. Институт генерал-губернаторской власти Российской империи в современной зарубежной историографии // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2009. № 10 (104). С. 4–11.
6. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реформа 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 442 с.
7. Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1982. Т. 107. С. 226–302.
8. Бикташева А.Н. Антропология власти: Казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. – 496 с.
9. Бикташева А.Н. От унификации к спецификам: региональное управление в Российской империи (вторая четверть XIX века) // Новое прошлое. 2017. № 1. С. 147–160.
10. Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2016. № 2 (38). С. 5–24.
11. Пономарева Е.Л. Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов как источник по истории Восточной Сибири (50–80-е гг. XIX в.) // Известия Алт. гос. ун-та. 2008. № 4/1. С. 112–115.
12. Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 // Русский вестник. 1888. № 6. С. 87–123.
13. Ремнев А.В. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: Колониализм без Министерства колоний – русский «Sonderweg»? // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 150–181.
14. Корнилов А.А. Воспоминания // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1992. Вып. 11. С. 9–118.
15. Сандерланд В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 105–149.

REFERENCES

1. Remnev A. V. Siberia in the Imperial Geography of Power of the XIX – early XX centuries. Omsk: Publishing House Omsk State University, 2015, 580 p.
2. Dameshek I. L., Dameshek L. M. Siberia in the Imperial regionalism system (1822-1917). Irkutsk, Reprotsentr A 1, 2009, 389 p. (In Russ.)
3. Zlobin Yu. P. Social and cultural characteristics of the Governor-General's corps of Russia in the XIX – early XX centuries. *Vestnik*

²³ Всеподданнейший отчет за 1879 г. С. 40.

²⁴ РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 1. Л. 56.

²⁵ Всеподданнейший отчет иркутского военного генерал-губернатора за 1896–1898 гг. Б.м., б.г. С. 62.

Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, no. 7, pp. 37–44. (In Russ.)

4. Dameshek L. M., Dameshek I. L. Governor-General corps of Siberia: social portrait. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2014, no. 5, pp. 4–10. (In Russ.)

5. Zlobin Yu. P. The Institution of Governor-General in the Russian Empire from the viewpoint of contemporary foreign historiography. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 10, pp. 4–11. (In Russ.)

6. Zaionchkovskii P. A. Russian autocracy in the late XIX century (political reform of the 80s - early 90s). Moscow, Mysl', 1970, 442 p. (In Russ.)

7. Zyryanov P. N. The local government social structure in capitalist Russia (1861–1914). *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1982, vol. 107, pp. 226–302. (In Russ.)

8. Biktasheva A. N. The power anthropology: Kazan governors of the first half of the XIX century. Moscow, Novyi khronograf, 2012, 496 p. (In Russ.)

9. Biktasheva A. N. From unification to the specifics: regional management in the Russian Empire (the second quarter of the XIX century). *Novoe proshloe*, 2017, no. 1, pp. 147–160. (In Russ.)

10. Minakov A. S. Loyal reports of the Russian Empire's governors: modern problems of historiography. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 2, pp. 5–24. (In Russ.)

11. Ponomareva E. L. Loyal reports of General-Governors as a source on East Siberian history (50–80s of the XIX century). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4/1, pp. 112–115. (In Russ.)

12. Struve B. V. Memories on Siberia. 1848–1854. *Russkiy vestnik*, 1888, no. 6, pp. 87–123. (In Russ.)

13. Remnev A. V. Russian power in Siberia and the Far East: colonialism without the Ministry of Colonies – Russian “Sonderweg”? *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoy imperii (1700–1917.)* Moscow, 2010, pp. 150–181. (In Russ.)

14. Kornilov A. A. Memories. *Minushee: istoricheskiy al'manakh*. Moscow, Saint Petersburg, 1992, iss. 11, pp. 9–118. (In Russ.)

15. Sunderland V. Ministry of Asian Russia: a colonial office that never existed, but had all the chances for this. *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiiskoy imperii (1700–1917.)* Moscow, 2010, pp. 105–149. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 20.12.2018